

Мольер – А. Егоров

«ОН ВЕЧЕН, ТЕАТР...»

«**К**абала святош» Михаила Булгакова – одна из тех великих пьес, к которым обращаются режиссеры в момент наивысшего нервного напряжения от череды столкновений Художника с Властью, выражая с помощью господина де Мольера, его страстного финального монолога свою собственную, глубоко личную невозможность проповедовать в искусстве то, что считают единственно ценным. И, как правило, спектакли носят трагическую окраску бессилия перед сапогом, который необходимо ежеминутно лизать ради достижения высокой цели.

Собственно, об этом и написал Михаил Афанасьевич Булгаков не только свою пьесу, но и роман «Жизнь господина де Мольера»; об этом и ставили спектакли Анатолий Эфрос и Валерий Белякович, Адольф

Шапиро и многие другие. Лишь, пожалуй, в спектакле Александра Коршунова в театре «Сфера» промелькнула возможность несколько другого прочтения.

Недаром говорят, что есть идеи, которые носятся в воздухе. Для **Бориса Морозова**, воплотившего пьесу Булгакова на **Малой сцене Центрального академического Театра Российской Армии** та же, по сути, идея, но в более обостренном варианте стала главной, основополагающей. И – по вполне понятным причинам. Мы часто говорим сегодня о том, что русский психологический театр переживает слишком тяжелые времена, находясь на грани гибели. Но, к счастью, остаются еще те режиссеры, которые, не следуя причудам моды бежать впереди прогресса, продолжают хранить не только верность былым традициям, но и жить надеж-

дой на то, что, подобно птице Фениксу, он возродится, непременно возродится.

Очень точно отметил в своей рецензии на спектакль Сергей Коробков (газета «Культура»): Борис Морозов ставил свой спектакль о театре, о его многообразии, о его жизненности вопреки многому и многому. И в подобной интерпретации Театр предстает в спектакле метафорой вечной жизни драматурга, режиссера, артиста Жана-Батиста Поклена де Мольера, а сам он, Мольер – столь же зримой метафорой Театра.

И глубоко обдуманно с этой точки зрения звучат в прологе и эпилоге к спектаклю Бориса Морозова слова из романа «Жизнь господина де Мольера» – о рождении недоношенного ребенка, которому Судьба угодила стать выше нынешних и будущих королей, потому что, как скажет современник Мольера, поэт Сирано де Бержерак, став героем пьесы Эдмона Ростана: «Он вечен, театр, и я его люблю!»

В спектакле Бориса Морозова театрализовано всё и все: дворец короля Людовика Великого (великолепен в этой роли **Николай Лазарев** со своей, словно навсегда прилип-

шей полуснисходительной-полуиронической улыбкой и поистине королевским чувством собственного достоинства), приговоры, которые он выносит карточному шулеру и отцу Варфоломею (**Андрей Кочин**), ужин, разделенный с Мольером, разговоры с архиепископом Шароном. Театрализованы (в смысле сценографии **Анастасии Глебовой** и особенно некоторых костюмов **Андрея Климова** даже излишне) заседание кабалы Священного Писания; исповедь Мадлены Бежар (к сожалению, **Ольга Богданова** слишком поглощена общением не с партнерами, а со зрительным залом, что очень мешает восприятию этой героини, одного из ярчайших образов мировой драматургии); почти клоунада представлена в момент, когда Незнакомка в маске (**Анна Глазкова**) приводит на заседание кабалы маркиза де Орсиньи (**Сергей Федюшкин** играет, к сожалению, несколько монотонно)... Есть и другие претензии, но, скорее всего, они сами собой уйдут после премьерных волнений под жестким присмотром режиссера.

Речь все же о другом – спектакль Бориса Морозова дарит в финале не мрачное ощу-

Муаррон – Р. Богданов, Мольер – А. Егоров

*Архиепископ Шарон – С. Смирнов,
Мадлена Бежар – О. Богданова*

щение безысходности, а свет надежды на то, что победит в борьбе с фестивальными проектами и модными поделками, в коих важнее всего перевернуть и осовременить возможное и невозможное, живой, волнующий, поистине великий Театр, на создание которого кропотливо трудились драматурги и режиссеры всего мира. Именно потому смерть Мольера в финале сопровождается не словами Лагранжа: «Кто еще остался в театре после спектакля?» и слезами тушильщика свечей Бутона (**Константин Денискин** играет темпераментно и заразительно), а повторенным прологом: «Он живет!»

Именно поэтому таков главный герой театрального повествования – Мольер в исполнении **Андрея Егорова**: страстный, горячий, а порой сознательно приземленный, льстивый, умный, умеющий держать в руках труппу своего театра и твердо знающий, что даже самый последний спектакль – это дело всей его жизни, и он должен быть доигран до конца любой ценой, но в то же время отчаянно, так по-человечески понятно вскрикивающий: «Я не хочу умирать в одиночестве!..»

Именно поэтому таков Лагранж (**Максим Чиков**), ведущий свою летопись жизни театра Пале-Рояль не столько словами, сколько таинственными знаками: лилия – в честь события, черный крест – символ траура. Едва войдя в зрительный зал до начала спектакля, мы видим его перед закрытым занавесом на стуле справа – сосредоточенного, погруженного в свои мысли молодого человека, жизнь которого равна театру, а театр – жизни. Каждый жест, каждая интонация выверены, точны.

Именно поэтому все происходит на фоне легкого, воздушного театрального занавеса, который погладит, навсегда покидая Пале-Рояль Мадлена Бежар; за которым, невидимые нам, будут разыгрываться для короля интермедии Мольера; перед которым будет торжественно восседать кабала; небрежно откинув который, будет играть в карты король...

И потому столь резко и причудливо меняются темп и ритм музыки, то сопутству-

Мольер – А. Егоров, Арманда – Е. Сванидзе

ющей действию, то властно ведущей его за собой (музыкальное оформление **Рубена Затикяна**).

Того высокого градуса, которым был явно одержим Борис Морозов, работая над спектаклем, еще недостает пока в отдельных эпизодах несомненно одаренным молодым артистам труппы **Елене Сванидзе** (Арманда), **Роману Богданову** (Захария Муаррон), **Денису Кутузову** (Справедливый сапожник), **Сергею Смирнову** (архиепископ Шарон), но не сомневаюсь в том, что наступит момент, когда все, кто занят в спектакле, а следом за ними и зрители отчетливо поймут жизнь и судьбу артистов не только труппы господина де Мольера, но и артистов труппы ЦАТРА, отважно вступивших в борьбу за русский психологический театр. И тогда действие сольется в мощный гимн.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ